

АНАТОЛИЙ ШАЛАГИН

Горящие свечи саксаула

Анатолий Шалагин

Горящие свечи саксаула

«Издательские решения»

Шалагин А.

Горящие свечи саксаула / А. Шалагин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-856670-7

Повесть погружает читателей в события России XIX века, связанные с военно-политической разведкой на среднеазиатские ханства. Она позволит читателям узнать немало интересных фактов из истории обширного Оренбургского края и истории самой России. Многообразная палитра и захватывающий сюжет помогают понять, как складывался внешнеполитический курс нашей страны того времени. Повесть адресована широкому кругу читателей, интересующихся историей России.

ISBN 978-5-44-856670-7

© Шалагин А.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Врата в азиатскую Украину	8
Глава 2. Степные химеры	26
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Горящие свечи саксаула

Анатолий Шалагин

© Анатолий Шалагин, 2018

ISBN 978-5-4485-6670-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Весна выдалась хилой и все никак не могла одолеть студеного ветра, дующего с бескрайних просторов Сибири, и морозов, сковавших степные речушки и озера толстым ледяным панцирем. И хотя на дворе стоял апрель, обычно выпаривающий землю, повсюду еще виднелись шапки нерастаявшего снега.

Черные, как смоль, грачи, расхаживая на редких проталинах, почти напрасно долбили своими большими клювами мерзлую землю, поживиться им пока было нечем. Птицы собирались в громадные стаи и с протяжным криком кружили над заснеженной степью.

Трудно и опасно в снежной степи. Это летом она мила и хлебосольна, это летом она наполнена радостными звуками жизни, да и самой жизнью тоже. А пока в степи голодно и страшно. Дуэтом воют ветра и волчьи стаи, подстерегая легкую добычу.

Не приведи Всевышний оказаться одному в бескрайних снежных просторах. Тебе отсюда уже не выбраться. Первым падет твой конь, измотанный бездорожьем и бескормицей. И горько ты будешь плакать над ним, греясь о его остывающую тушу. Но недолгим будет твой траур. Уже совсем скоро по следам изрезанных в кровь ледяным настом копыт сюда придут волки. Их вой все последние дни следовал за тобой неотрывно. И вот он стих. Но не верь ушам своим. Волки рядом. Где-то там, в ближайшем овраге, они выстраиваются для последнего рывка, нервно поскуливая от предвкушения кровавой трапезы.

Тебе нужно уходить. Но далеко ли ты уйдешь? Насытится эта стая, обглодав кости твоего коня, ей на смену придет другая. Ты встаешь и идешь, проваливаясь в обветренные сугробы. И идешь ты не к родному аулу, который находится ой как далеко. А идешь навстречу северному ветру, который пронизывает тебя до самых костей. Порою тебе кажется, что где-то вдалеке слышен монотонный бой колоколов. Так в бураны звонят русские церкви, спасая «метельным» звоном своих колоколов заплутавших путников. Эти звуки слышно то слева, то справа. И ты начинаешь метаться в надежде быстрее выйти к людям. Пусть чужезерцам, но все же людям, которые, быть может, обогреют тебя.

Но вот уже не стало слышно и колоколов. Только вой ветра и вой волков, которые идут уже за тобой. За снежной пеленой стаи не видно. Но ты нутром чувствуешь, что с каждой минутой волки становятся все ближе. А сил двигаться уже и нет. Совсем скоро тебя не станет. Не видать тебе больше красавицы Айзады, не гладить её шелковистых волос. И уже никогда не посадишь ты к себе на колени годовалого Айтугана, рожденного в новолуние прошлогонего апреля. Ах, как же было тогда хорошо! Бескрайняя степь покрылась молодой зеленью, в небе заливались жаворонки, на водопое жеребята-сосунки с жадностью насыщались молоком кобылиц. А потом ты услышал из своей бедной юрты крик своего первенца. И старая аже вынесла к тебе маленький верещащий комочек, завернутый в чистую холстину. О, как ты был счастлив! Ты ощутил себя настоящим мужчиной. Ты стал отцом...

– Давай, давай, милый – подбадривал наездник своего уставшего жеребца – Немного совсем осталось. Верю, что устал...

Уже потянуло дымком, и вскоре за мохнатыми лапами сосен показались избы Санарки. Вороной, почувствовав близость дома, прибавил шаг. Жеребец с удовольствием хлопал копытами по солнечным лужам и, как это бывало всякий раз, когда он ввозил хозяина в родной поселок, вытянул шею, гордо поднял свою умную голову и начал гарцевать. Наверное, он понимал, почему в свое время его называли Красавчиком. Хозяин ласково потрепал коня по холке, и этого было достаточно, чтобы жеребец радостно заржал...

– Тятя! Тятя! – бежала навстречу розовощекая девчушка, замотанная в старый пуховый платок. Она заливисто смеялась. И так радостно стало на сердце ездока, который не был дома уже почти две недели.

Наездник, осадив Красавчика, соскочил на землю и широко распростер руки, чтобы обнять летящую к нему дочку.

– Ах, ты моя красавица – говорил он, целуя девочку в бархатные румяные щечки – Ты почему так далеко от дома убежала? Смотри, Ваньша будет ругаться.

Потом он усадил девочку в седло, заботливо скрутив узелком порванную оборку на правой ножке дочери. Умный конь теперь не гарцевал, а шел осторожно, понимая, кого он везет в седле.

– Ну, как поживали вы тут, Иришка? Ваньша не обижал? – спросил он дочь, которая теперь гордо восседала в отцовском седле и смачно рассасывала кусок сахара, данный ей отцом.

– Ванька лугается, когда я моклая домой с улицы плихожу – прокартавила четырехлетняя Иринка.

– Ну а зачем же ты мокрая приходишь? – улыбаясь, спросил отец.

– Ну, так лужи же – невозмутимо ответила «наездница».

– И мамка, поди, ругается?

– Не, мамка меня любит – рассмеялась девочка – А у нас надьсы килгиз очухался. Он такой стлашный...

Мужчина перекрестился и сказал на это:

– Не прибрал, значит, боженька.

Возле избы отца и оголтелую сестру встречал восьмилетний Ванька, одетый не по размеру в старый обрезанный отцовский зипун и подпоясанный самодолошным кушаком. Он поделовому отворил ворота, сплетенные из ивовой лозы, и показал сестре кулак.

Красавчик величаво внес свою смеющуюся ношу на просторный двор.

– Ну, здравствуй сынок – отец протянул мальчугану свою широкую ладонь.

– Здравствуй, батя – Ванька по-взрослому пожимал отцовскую руку. Но тут отец притянул его к себе и попытался поцеловать. Парнишка явно был смущен такими нежностями. А тут еще и Ирка, сидящая на Красавчике, показала ему язык. Ох, с каким удовольствием он сейчас надавал бы ей пенделей...

С початой поленицы дров, сложенной под поветью, поднялся узкоглазый худощавый человек, даже в такую теплынь одетый в овечий тулуп и малахай. Возраст незнакомца на вскидку определить было невозможно: все его лицо было покрыто сухой коростой. Кланяясь, он начал подходить к хозяину дома, а потом вдруг упал на колени и попытался поцеловать ему руку. Он что-то лопотал на непонятном языке, по корявым его щекам текли слезы...

– Да отцепись ты, нехристь. Боярина нашел... – растерянно сказал мужчина, вырывая свою небольшую пятерню из ладошек узкоглазого незнакомца.

На эту странную сцену с интересом смотрели три пары широко открытых глаз – Ваньки, Иришки и Красавчика, который терпеливо ждал, когда же люди дадут ему отдохнуть.

Глава 1. Врата в азиатскую Украину

Город погрузился в траур. Уже на подъезде к нему ощущалось тревожно-мрачное состояние, в котором в эти дни прибывала столица Оренбургской губернии. Обычно радостно и жизнеутверждающе звонящие колокола православных церквей и соборов, слышные на многие версты в округе, нынче издавали монотонные и гнетущие звуки. Всякого входящего или въезжающего в город встречали вывешенные на кордигардиях траурные ленты и стяги. Черными муаровыми бантами были украшены формы караульных...

В эти дни в город стекался народ. Со стороны Верхнеуральска медленно двигались конные колонны казачьих сотен, в тарансах проносились купцы и чиновники, на скрипучих телегах, которые нередко застревали в апрельской грязи, ехали крестьяне и разночинцы. По сакмарской дороге к городу, обгоняя татарские брички, на своих рысаках скакали башкирцы. С юга, со стороны степи, к Водяным воротам подтягивались арбы, запряженные верблюдами. На них в окружении ковров и подушек восседали смотрящие на всех свысока бии и мурзы. Верхом на лошадях или осликах к Оренбургу подъезжали менее знатные киргизы.

Весь этот многоликий и разноязыкий поток пытались хоть как-то упорядочить служащие городского магистрата, военной канцелярии и Пограничной комиссии. Казаков они заворачивали в форштадт, купцов и разночинцев направляли в Голубиную слободку. Особо знатных визитеров пропускали через городские ворота. Город всех вместить не мог, особенно, если учесть, что почти каждый имел и свое транспортное средство. Поэтому среди прибывающих к Оренбургу нашлось немало тех, кому попросту не хватило места. И тогда на противоположном берегу Урала в роще они встали лагерем.

Такое столпотворение в Оренбурге обычно бывало только в дни проведения ярмарок. Но сейчас жители и гости бескрайней Оренбургской губернии стремились отдать последние почести военному губернатору, генералу и кавалеру, графу Павлу Петровичу Сухтелену.

Смерть губернатора наступила внезапно 20 марта 1833 года. В тот день с утра граф прочитал почту, провел два совещания, подписал срочные документы, планируя ближе к вечеру поездку в Неплюевское училище. Но сразу после обеда он прилег на диван, стоящий в его рабочем кабинете, и больше с него уже не встал. Зашедший в кабинет в четверть второго секретарь губернатора Подъясов обнаружил своего патрона бездыханным. Вызванные врачи, прибывшие в здание управления военного губернатора через 10 минут, констатировали смерть.

Новость о внезапной кончине графа Сухтелена облетела Оренбург молниеносно. И, как нередко бывает в подобных случаях, это трагическое событие стало обрастать слухами.

Толпившиеся на базарной площади торговли, кухарки и денщики передавали из уст в уста, что губернатора отравили. На улице Уральской учитель народного училища Шаповалов говорил со знанием дела секретарю провиантской комиссии Неверову:

– Уверяю Вас, граф решил прокатиться на необъезженном жеребце, присланном из Петербурга. И вот какой трагический финал: губернатор упал и убился.

– Ах, какое горе! Какое горе! – крестился Неверов – Царствие ему небесное. Хороший был человек.

А на Александровской площади горожане на полном серьезе обсуждали вообще экзотическую версию. По словам псаломщика церкви святых апостолов Петра и Павла Димитрия Токарева, безвременная кончина губернатора, которому не исполнилось еще и 55, стала следствием, якобы, проклятия одного хивинского купца, у которого Сухтелен конфисковал весь товар, да еще почти месяц не выпускал хивинский караван обратно в степь.

– Ей Богу – вытерев нос рукавом давно нестиранной рясы, крестился не совсем трезвый псаломщик – Я своими ушами слышал, как этот купец, воздав к небу руки, просил своего Аллаха покарать неверного.

Слушающие Токарева люди тяжело вздыхали и шептали: «Спаси и сохрани, пресвятая Богородица!». Видя, что обыватели впечатлились его рассказом, псаломщик продолжил:

– А пока граф Павел Петрович держал хивинских нехристей под стражей, они занимались колдовством, чертили какие-то странные фигуры на песке. И бросали в свои костры бараньи лопатки и что-то при этом бормотали по-бусурмански...

Такие кривотолки могли закончиться неизвестно чем. Поэтому местным властям, обезглавленным в одночасье, нужно было принимать какие-то меры.

Большинство местных чиновников в первые часы и дни после смерти Сухтелена прибывали в полной растерянности. Такое в истории Оренбургской губернии случалось лишь однажды: 3 февраля 1781 года в Оренбурге скончался губернатор Иван Андреевич Рейнсдорп. Однако умер он не внезапно, а «...будучи, одержим продолжительною тяжелою горячкою...». Тогда, полвека назад, смерть хоть и была трагичной, но она была ожидаемой. Сейчас ситуация была иной. Поэтому растерянность была всеобщей.

И тогда все бразды правления в губернии в свои руки взял барон Адам Григорьевич фон Энгельгардт. Опыта управления ему было не занимать. Ведь, будучи генерал-майором, барон являлся командующим Оренбургским казачьим войском.

Прибыв в резиденцию покойного губернатора, Энгельгардт собрал в приемной руководителей всех комиссий, созданных для управления губернией, магистрата и комендатуры Оренбурга. Обращаясь к взволнованным присутствующим, он сказал:

– Господа, в эти трагичные для губернии часы мы должны ни на минуту не забывать о необходимости соблюдения порядка в городе, губернии и орде. Граница империи, для укрепления которой очень многое сделал в бозе почивший Павел Петрович, – при этом барон невольно покосился на двери губернаторского кабинета, где еще находилось тело Сухтелена – должна быть надежно защищена. Нам необходимо известить государя и правительство о безвременной кончине губернатора, организовать его похороны и обеспечить нормальную работу всех без исключения канцелярий и ведомств до назначения нового губернатора...

В коридоре послышался шум, и вскоре на пороге приемной появилась заплаканная вдова покойного Варвара Дмитриевна. Дрожащим голосом, нервно поправляя складки черного плаща, она спросила:

– Господа, где он?

Энгельгардт шагнул ей навстречу:

– Крепитесь, Варвара Дмитриевна.

Потом он, поддерживая вдову за локоть, ввел ее в кабинет губернатора. Оттуда раздались женские рыдания...

Тело внезапно скончавшегося графа Сухтелена было доставлено в мертвецкую военного госпиталя, расположенного рядом с загородным домом военного губернатора. 21 марта в 9 часов утра старший лекарь Оренбургского военного госпиталя Николай Георгиевич Смирнов и находившийся в эти дни в Оренбурге по служебным делам лекарь 3-го линейного батальона Владимир Илларионович Знаменский приступили к вскрытию тела покойного. Им предстояло выяснить истинную причину смерти Павла Петровича. Они торопились. Накануне вечером барон Энгельгардт, обеспокоенный циркулирующими по городу и его окрестностям слухами, дал указание Смирнову:

– Николай Георгиевич, графиня согласилась на исследование тела своего мужа. Проведите все необходимые в таких случаях манипуляции с тем, чтобы мы могли сообщить в столицу, да и нашим обывателям тоже, точную причину безвременной кончины Павла Петровича.

И потом – командующий сделал небольшую паузу и тяжело вздохнул – Видимо, с погребением губернатора придется повременить... Варвара Дмитриевна надеется на быстрый приезд из столицы дочери... Подумайте, что можно сделать, чтобы приостановить естественные в подобных случаях процессы тления...

«21 марта 1833 года в 9 часов утра приступили к аутопсии тела Его превосходительства военного губернатора Оренбургской губернии графа Павла Петровича Сухтелена, скоротечно скончавшегося 19 часов 30 минут назад. 1. Тело правильного сложения и нормальной упитанности...»

.. А в окнах полуподвала госпитальной мертвецкой виднелись молодые яблоньки, собственноручно посаженные покойным графом два года назад в летнем саду при загородной резиденции. Деревца колыхались под легкими дуновениями мартовского ветерка. И первый скворец, усевшись на яблоневою ветку, заливисто пел свою песню. Жизнь продолжалась...

Вечером 21 марта во все концы Оренбургской губернии были направлены гонцы с депешами, в которых сообщалось о безвременной кончине военного губернатора, вызванной «быстротечной апоплексической болезнью». Более подробное письмо с описанием всех обстоятельств смерти Сухтелена и мерах, предпринятых в губернии и степи в последние два дня, барон Адам Григорьевич фон Энгельгардт написал лично. Это письмо было адресовано императору Николаю I.

Отправив курьера в столицу, которому было дано задание по пути известить в Уфе о кончине губернатора епископа Оренбургского и Уфимского Михаила, Энгельгардт вызвал к себе ассессора Сплендоринского, продиктовал ему письмо Жангир-хану и сказал:

– Пусть толмачи быстрее переведут, и срочно отправляйте письмо в Астрахань. Надеюсь, хан еще не успел отбыть на джайляу. И еще – барон встал из-за стола и подошел к окну – Отправьте в Уфу за владыкой губернаторскую карету.

6 апреля состоялось погребение покойного губернатора. К полудню вдоль улицы Николаевской, ранее именовавшейся Большой и Губернаторской, стояли тысячи людей. В этом людском море виднелись простые катетки крестьянок и модельные шляпки оренбургских модниц, казачьи папахи и киргизские тюбетейки, диковинные тюрбаны бухарских купцов и фуражки разночинцев. Казаки из оцепления помахивали нагайками в сторону особо ретивых, пытавшихся пробиться поближе к краю тротуара, который уже в ту пору был мощеным. «Охлани! Куда давишь, холера!» – беззлобно покрикивали они на разномастную публику. Они понимали настроение людей. Здесь было не простое человеческое любопытство, здесь была настоящая скорбь.

Павел Петрович Сухтелен, хотя и пробыл на посту губернатора менее трех лет, оставил в памяти людей добрый след. Все, не взирая на чины и сословия, отмечали его какую-то негубернаторскую манеру общения с людьми. Он одинаково внимательно выслушивал дворян и крестьян, купцов и служителей церкви, мужчин и женщин. И непросто выслушивал, а пытался помочь людям. И эта народная память о добром губернаторе будет сохраняться вплоть до XX века. Во многих избах казаков рядом с божницами будут висеть незамысловатые портреты Сухтелена со словами:

«Пока течет Урал пустынный,
Пока шумит ковыль степной,
Ты не забыт правитель мирный,
В стране прославленной тобой»

А историки позже напишут:

«Сухтеленом положено столько начинаний, что приходится изумляться, как успел сделать столько этот талантливый администратор – и невольно появляется сожаление, что он слишком рано умер. Будь он большее время Оренбургским губернатором, жизнь города и края, пожалуй, приняла бы иное направление».

Но это будет потом. А пока народ провожал своего губернатора в последний путь. Особенно часто в тот день вспоминали эпизод из короткой жизни Павла Петровича, когда он, по сути, еще мальчишка, принял участие в битве при Аустерлице, и раненым предстал перед надменным Наполеоном. Французский император с ухмылкой сказал: «Ого! И этот сопляк решил тягаться с нами?». На что корнет Сухтелен на чистейшем французском языке ответил диктатору: «Молодость не мешает быть храбрым». И простые крестьянские бабы, и жены офицеров, слушая эту историю, плакали...

– Везут... Везут... – слышалось со стороны Александровской площади.

Вдалеке показался казачий есаул, ведущий под уздцы любимого губернаторского скакуна серой масти, покрытого траурной попоной. Следом медленным шагом следовали офицеры Оренбургского корпуса, несшие в своих руках красные, обшитые золотистой кисеей, подушечки, на которых лежали награды покойного. Первой несли золотую шпагу с бриллиантами, на эфесе которой было начертано «За храбрость». Следом над притихшей улицей несли ордена Святого Георгия III и IV степеней, орден Святого Александра Невского, ордена Святого Владимира III степени и Святой Анны II степени, прусский орден Красного орла, шведский орден Меча, французский орден Святого Людовика...

И вот, запряженный цугом в четверку рысаков показался пушечный лафет, на котором покоился гроб с телом губернатора...

Мигом с голов мужчин слетели шапки. Даже бухарские негодянты снимали свои тюрбаны. Многие встали на колени, неистово крестясь... Людской вой, как волна, катился по Николаевской улице...

Похоронили Павла Петровича Сухтелена в ограде Петропавловской православной церкви, хотя он был лютеранином. Таковой была воля благодарных оренбуржцев. Она была поддержана епископом Оренбургским и Уфимским Михаилом...

На месте слияния рек Увелька и Уй вольготно разместился город Троицк. И, хотя, это поселение пока еще имело официальный статус крепости, оно уже приобрело очертания настоящего города, претендующего стать своеобразным узлом, связывающим торговые пути между востоком и западом, севером и югом.

Рождение городу-крепости положил «птенец гнезда Петрова», первый оренбургский губернатор Иван Иванович Неплюев.

Случилось это в 1743 году в канун праздника Святой Троицы, и изначально новую крепость нарекли Ново-Троицкой. Нужно отдать должное первому губернатору, место для крепости он выбрал отменное. На высоком левом берегу Уя были возведены канцелярская палата, провиантский амбар, артиллерийский двор, цейхгауз, гауптвахта, пороховой погреб, гарнизонные казармы, дом коменданта крепости и несколько офицерских домов. Но, и это было главным, крепость не только занимала выгодное военно-стратегическое положение, на всю ширь вокруг нее располагались «...земли, к пахоте способные, сенные покосы, рыбные озера, леса...», что к довольству и жительству людскому на всегдашнее время потребно».

Со временем линейная крепость стала настоящим форпостом на границе России и Орды. Однако, настоящий боевой штурм ей пришлось испытать вовсе не от кочевников, стремящихся обходить Троицк стороной, а от армии Пугачева, осадившей крепость 6 мая 1774 года. К тому времени в городе – крепости имелось «317 дворов и кроме гарнизона, состоящего из драгун и казаков, 869 душ мужеска и 815 женска пола». Осада была недолгой, крепость пала и испытала на себе весь ужас пугачевских погромов. Все, что могло гореть, было сожжено. Подверглись разграблению все крепостные склады, из домов непокорных горожан сторонники самопровозглашенного императора Петра III выносили утварь, посуду и одежду. Мародеры не обошли стороной и величественный Свято-Троицкий собор, его они «совсем разграбили, священные сосуды, евангелие серебряные, позолоченные кресты, дорогие ризы прочие все священнические одежды утащили... Вино церковное выпито и пролито, елей со святой водой разлиты по полу». Но самым страшным оказалось другое.

«Оставшиеся в живых защитники Троицкого батальона не захотели признать Пугачева Царем Петром III и были поставлены в ряд и переколоты копьями. Погибло 156 человек: Капитанов 2, надзирателей больных 1, сержантов 6, каптернамусов 2, подпрапорщиков 2, фурверов 4, капралов 6, цирульников 2, флейщиков 1, строевых 89, мастеровых 34, деньщиков 5, школьников 2. К сожалению нет возможности установить имена доблестных защитников кр. Троицкой».

Дикое ликование победителей было недолгим. Буквально через несколько дней армия Пугачева будет разгромлена корпусом генерал-поручика Ивана Декалонга. Под стенами Троицка было убито около четырех тысяч повстанцев.

Шли годы, город, оправившись от нашествия Пугачева, рос, притягивая к себе торговые караваны со всех концов света. Тогда никто и представить себе не мог, что наступит время, и Троицк станет одним из крупнейших торговых центров России...

...Рогожников отодвинул бумаги, поднялся из-за стола и подошел к окну. По Ую шел ледоход. Серые, поджаренные солнцем, льдины, как блины, наползая одна на другую, издавали громкий скрежет, приводя в восторг бегающих по берегу мальчишек. На меновом дворе уже во всю шла торговля. Крики людей смешались с блеянием овец, ржанием коней, мычанием коров и прочими звуками, издаваемыми продаваемым скотом. Торговля шла бойко. Яркое солнце играло в золотых крестах Уйского собора. И отблески этих крестов были видны за десятки верст от Троицка. Подполковник Василий Иванович Рогожников знал это точно, ибо сам не единожды выбирал этот ориентир на горизонте, когда вел своих бойцов в родной город после очередных походов в степь. Увиденное за окном порадовало подполковника, и он невольно улыбнулся. Но тут раздался стук в дверь.

– Войдите – крикнул Василий Иванович.

На пороге канцелярии, снимая барашковую папаху, появился хорунжий Милеев. Вид у него был потрепанным: на левом рукаве кафтана вырван клоч, воротник болтается на нитках, готовый в любой момент вообще отвалиться.

– Что это за вид у тебя, Милеев? – спросил Рогожников.

– Ваше благородие – начал хорунжий – доставленный по вашему приказанию казак Ванька Мякишев из Санарского редута оказал сопротивление – при этом Милеев невольно коснулся рукой своей скулы, на которой красовался здоровенный синяк.

– Сопротивление говоришь? – голос подполковника наполнился металлом – Ну-ка зови мне этого сукина сына.

Через минуту, наклонив голову, чтобы не зацепить притолоку, в канцелярию шагнул двухметровый верзила. Рядом с плюгавеньким Милеевым он казался настоящим великаном.

– Ваше благородие, Иван Мякишев явился по вашему приказанию – доложил вошедший.

– Ты по что, шельма, хорунжего избил? – сурово спросил подполковник – Розог давно не получал?

Переминаясь с ноги на ногу, Ванька Мякишев отвечал начальнику Троицкой дистанции:

– Ну... он – казак кивнул в сторону хорунжего, все еще потиравшего свою багровую скулу – хотел везти меня в Троицкую связанным как каторжного... Срамно мне перед детьми и соседями. Я ему говорю, что и сам пойду, а он с веревками...

Рогожников с трудом скрывал невольную улыбку, представив себе, как щуплый Милеев вязал бы этого детину. Он раскурил трубку и сказал:

– На каторгу еще успеешь, Мякишев. Если еще хоть раз поднимешь руку на своих начальников, я тебе, паршивец, каторгу устрою. Ты понял?

– Понял, ваше благородие – казак виновато склонил голову.

– Ну, ладно – мягче сказал Рогожников – Давай к делу. Это ты киргиза в степи за Уем нашел?

– Я, ваше благородие.

– А как тебя туда занесло? Ты что не знаешь про запрет в одиночку выходить на правый берег?

– Я, ваше благородие – Мякишев вновь опустил голову и начал виновато переминаясь с ноги на ногу – за волчицей гнался, которая повадилась в Санарку. Ну, там вот и киргиза нашел...

– И далеко ли от берега?

– Версты две-три...

– А он вообще кто? – спросил Рогожников, выпуская под потолок клубы дыма – Что он рассказывал?

– Да я и не знаю, ваше благородие. Он, когда в себя пришел, что-то по-тарабарски говорил, но я по-ихнему не разумею...

Подполковник прошелся по кабинету, что-то обдумывая. Потом сказал:

– То, что божею душу спас – это хорошо. Но походы свои на тот берег заканчивай. Неровен час киргизы заполонят и не заметишь, как очутишься рабом в Хиве. Мало что ли православного люду там томится?... Ладно. Милеев – Рогожников повернулся к хорунжему – распорядись, чтобы ко мне срочно явился драгоман. А ты, Мякишев, пока подожди в сенях. Драгоман придет, я тебя с твоим киргизом опять вызову...

Через час на крыльцо они вышли вместе. Мякишев Иван Матвеев сын и Азат сын Жади-гера из рода шомекей. Каждый в эту минуту думал о своем. Киргиз, щурясь под лучами апрельского солнца, радовался, что всемогущий Аллах спас его, ниспослав вот этого большого Ивана и доброго русского офицера, который внимательно выслушал его рассказ о злоключениях, случившихся в снежной степи. Азат рассказал этому господину, как мурза послал его на разведку в места предстоящего джайляу. Как ехал он на север, надеясь на скорую оттепель, как пал его конь, как гнались за ним волки...

А Иван Мякишев думал о том, что с божьей помощью стычка с хорунжим Милеевым, случившаяся нынче утром на глазах домашних и набежавших соседей, осталась без последствий. «А ведь мог подполковник – рассуждал он – и на гауптвахту посадить, или, чего еще хуже, выпороть прилюдно на городской площади».

Они подошли к коновязи, где стояла телега, на которой Милеев их доставил в Троицк, и Иван сказал:

– Ну, давай, Азат, или как там тебя – протянул он руку улыбающемуся киргизу, лицо которого, очистившись от коросты, уже не казалось таким страшным – ступай к своим сородичам. Они вечером с караваном уходят, так что скоро дома будешь...

Киргиз тряс в своих ладошках Иванову пятерню, что-то говорил в ответ и кланялся.

– Да ладно – смущенно говорил Иван. Потом он снял с телеги узел, в котором лежали тулуп и малахай киргиза, достал из холщевой сумки кусок хлеба, заботливо завернутый женой Анютой в чистую тряпицу, разломил его на две части, и протянул половину Азату – На вот... Это на дорогу тебе...

Киргиз еще раз поклонился Мякишеву, повернулся и зашагал в сторону менового двора. Вначале он робко и с опаской ступал по неродному городу, который казался ему ужасно тесным и шумным. Но чем ближе Азат подходил к меновому двору, тем шаг его становился быстрее. И, наконец, он побежал. Сын степей увидал своих...

А Иван еще долго смотрел ему вослед...

Последние две недели генерал-адъютант Василий Алексеевич Перовский просыпался спозаранку. Уже в четыре часа, когда степенная часть населения столицы еще спала, он был уже на ногах. Генерал выглядывал в окно и невольно вспоминал стихи своего приятеля:

«Пишу, читая без лампы,
И ясны спящие громады
Пустынных улиц, и светла
Адмиралтейская игла...»

Наступала прекрасная пора белых ночей, когда вечерние сумерки плавно перетекают в рассвет, когда гусары и студенты, потеряв счет времени, кутят, покуда дворники не начнут скрипеть воротами, когда поэты и писатели неистово творят, вдохновляемые своими музами, когда влюбленные, забыв обо всем на свете, предаются сладострастным утехам в своих альковах...

Перовский сладко потянулся, взял со стола колокольчик и позвонил. Вскоре явился заспанный лакей Семен, в душе проклиная свою нелегкую долю и этого молодого барина, который вот уже две недели не дает ему покою. С трудом скрывая зевок, лакей сказал:

– Доброе утро, Василий Ляксеич.

– Да, Семен. И тебе утра доброго – улыбаясь, ответил Перовский – Умываться. И вари кофею. Только смотри не усни, а то опять убежит...

Лакей, шаркая по паркету стоптанными туфлями, направился на кухню, откуда вскоре раздался звон посуды.

Василий Алексеевич, дожидаясь явно неспешащего лакея, переоделся, раскурил бриаровую трубку, открыл окно и с удовольствием стал разглядывать красоты спящего Крестовского острова, принадлежащего сейчас князю Белосельскому. Туман, цепляясь за еловые лапы, медленно тек в глубину острова, оставляя за собой таинственно мерцающие капли росы. В неожиданном разрыве этого молочного, почти осязаемого, потока за старым ельником вдруг открылись белые колонны старого, но не утратившего еще своей былой величественности, дома некогда всесильного фаворита императрицы Елизаветы Петровны Алексея Разумовского, которому сам Перовский, по сути, был внучатым племянником. Но...

...Дочь Петра Великого взошла на российский престол в результате дворцового переворота, горячо поддержанного гвардией и радостно встреченного всеми слоями населения России, уставшего от бироновщины и засилья немцев в государственном управлении. Малолетний император Иоанн Антонович был смещен. В холмогорскую ссылку отправились и его родители Анна Леопольдовна и принц Антон Ульрих Брауншвейг-Беве-рн-Люнебургский. В дворцовом перевороте активное участие принимал и Алексей Григорьевич Разумовский, к тому времени уже состоявший в интимной связи с царевной Елизаветой. У фаворита, бывшего в свое время свинопасом на Черниговщине, подрастал младший брат Кирилл, которого, благодаря

поддержке императрицы и ее фаворита, ждало большое будущее. К этому следует добавить, что Кирилл Григорьевич, возмужав, женился на близкой родственнице и фрейлине императрицы Екатерине Ивановне Нарышкиной. В этом браке было рождено 6 сыновей и 5 дочерей. В 1748 году родился старший сын Алексей – будущий действительный камергер, тайный советник, сенатор и министр народного просвещения империи. Повзрослев, Алексей Кириллович женился на одной из самых богатых российских невест – графине Варваре Петровне Шереметевой. Однако, семейная жизнь не заладилась. И, хотя супруги прожили вместе 10 лет и родили пятерых детей, в 1784 году они расстались. При этом дети остались на воспитании отца. У Алексея Кирилловича была тайная любовь – мещанка Мария Михайловна Соболевская, которую Разумовский любил трепетно и самозабвенно. В этой связи, которую влюбленные не афишировали, но о которой знали многие, родилось 10 детей, каждому из которых отец дал достойное образование и обеспечил небедное существование. По установившейся тогда великосветской традиции все дети, рожденные в адюльтере, считались «воспитанниками» сластолюбивых графов или князей. Им давались вымышленные фамилии, и, зачастую, подрастающие дети даже и не догадывались, кем были их родители.

Одним из таких «воспитанников» Алексея Кирилловича Разумовского стал родившийся в 1794 году Василий Алексеевич Перовский. Тайну своего появления на свет он знал. Но никогда этим не кичился и даже стеснялся своей нечаянной великосветкости. И сейчас, глядя из окна дома, взятого в аренду у князя Белосельского, на бывшее родовое гнездо Разумовских, Василий Алексеевич вдруг отчетливо вспомнил, как пятилетним мальчиком он впервые повстречался со своим дедом, который в ту пору, хотя, и отошел от больших дел, но выглядел торжественно-величественным. «Наверное, это царь» – подумал юный Перовский, увидев перед собой красивого седовласого старца с мягкой улыбкой на лице. «Царь» глянув с высоты своего роста на чернявого мальчугана, улыбнулся и произнес:

– Наш.

А потом этот самый «царь» присел на корточки перед ребенком и, протянув к нему свои большие руки, вдруг схватил его и поднял над собой.

– Так вот ты какой, Васятка...

А мальчик расплакался в рев... «Царь» смеялся, подбрасывая юнца к потолку. И неизвестно, сколько бы все это продолжалось, если бы не мать, которая заботливо взяла сына на руки, сказав фельдмаршалу:

– Уроните, Кирилл Григорьевич...

На что баловень судьбы резонно заметил:

– Я, Мария, своего не роняю.

Вспоминая сейчас этот эпизод своего детства, Перовский невольно улыбнулся...

– Опять с утра дымите, Василий Ляксеич... – послышалось за спиной. Это наконец-то явился лакей с кувшином воды и чистым полотенцем.

– А, Семен... – очнулся Перовский от своих воспоминаний – Давай быстрее умываться. А то дела стоят.

Он с удовольствием фыркнул под струей холодной воды. Брызги летели во все стороны. А потом Перовский стал, насвистывая что-то, растираться полотенцем. От вида такого мощного лакея пробрал озноб, и он быстрее удалился на кухню варить барину кофе.

...От дел, которые наваливались на Перовского по долгу службы, он никогда не отлынивал, относясь к ним с энергией, дарованной ему природой, и дотошностью, воспитанной в нем отцом. Алексей Кириллович, давая наставления своему «воспитаннику», нередко говаривал:

– Ты, Василий, должен понимать, пока я жив, будущее твое – моя забота. Но я не вечен. Поэтому в этой жизни ты должен уметь добиваться всего сам. И для этого ты просто обязан постоянно учиться, постигать что-то новое... Остановишься, слетишь на обочину...

И Перовский учился. В юности – в Московском университете, потом – в школе колонновожатых. Накануне нашествия Наполеона он – уже прапорщик в армии Багратиона. Юноша учился и там. И даже когда началась война, семнадцатилетний Перовский учился. У простых солдат и седовласых генералов, у казаков и священников... А потом случился плен. Такой неожиданный и до слез обидный. Два года неволи и унижений не прошли для него даром. Он в совершенстве стал владеть французским, английским и итальянскими языками. И уже после освобождения неожиданно для себя он попал в адъютанты самого Кутузова, который однажды сказал Перовскому:

– Вас, Василий Алексеевич, бесспорно, ждет большое будущее... Если только Вы не утратите свое великолепное свойство слушать всех, а говорить с немногими.

Наверное, великий полководец где-то кому-то что-то сказал. Но вскоре Перовский очутился в свите наследника престола, великого князя Николая Павловича. Они были почти ровесниками. И это их сблизало. У молодости свои измерения – бывало, что Перовский говорил наследнику и «ты»...

Не забывая о службе и учебе, Василий Алексеевич находил время и для забав молодости. Именно тогда в круг его дружеского общения ворвались Пушкин, Вяземский, Жуковский... Как много он постиг от них!

А потом наступило 14 декабря 1825 года. И Перовский был рядом с уже императором Николаем I. Царь этого не забыл...

...Две недели назад они прогуливались по парку, устроенном в свое время великим России на Елагинском острове. Императору такие прогулки с другом молодости, а теперь Его Императорского Величества генерал-адъютантом нравились. Увы, они теперь случались нечасто. То выпадала смена другого генерала, то самодержец был занят. Поэтому прогулки, если они и случались, были долгими и душевными.

– Послушай, Василий Алексеевич – задумчиво сказал Николай Павлович, пристально взглядываясь в чугунные статуи львов, стоящих на входе во дворец – Я долго думал, и вот решил... В Оренбурге от апоплексического удара скончался тамошний военный губернатор Сухтелен... Ты помнишь его?

– Ну, как не помнить, Ваше величество? Павел Петрович был отличным рассказчиком и воякой... Очень жаль, что так вот все получилось...

– И мне жаль – также задумчиво продолжил император. А потом вдруг, резко обернувшись к Перовскому, Николай Павлович отчеканил – И я решил назначить туда тебя...

Перовский попытался что-то возразить, но Николай остановил его:

– С ответом не тороплю... Пока не тороплю. Но, Василий Алексеевич, пойми, там мне нужен ты...

...Перовский погрузился в изучение почти вековой истории Оренбургского края. Его воображение летело дальше, к Ермаку и Демидовым, к петровским мечтам о далекой Индии, к просторам, доселе неведомым России. Он захлеб читал справочники и путевые заметки, стараясь постичь все, что могло ему пригодиться. Среди прочего он прочел и такое:

«Площадь Оренбургского края, во всем его объеме, занимала пространство в 18 тысяч квадратных миль или 885 тысяч квадратных верст, а по другим вычислениям даже более миллиона квадратных верст, тогда как пространства больших европейских государств Германии и Австро-Венгрии равняется первое – 9900, а второе – 12280 квадратным милям... В городе Илецк добывается поваренная соль. Илецкие соляные копи – богатейшие в целом свете месторождения каменной соли. Она прозрачна, чиста и крепка как стекло. Соль лежит здесь сплошной массой на протяжении более трех верст... По исчислениям горных инженеров илецкой соли с избытком достанет до 10 тысяч лет для всего населения земного шара... В одном

из рудников Магнитной горы в Верхнеуральском уезде находятся скалы с нагроможденными друг на друга глыбами сплошного магнитного железняка, достигающими до 3—4 метров в длину и 2 метров в ширину и высоту. Залежи железной руды исчисляются колоссальной цифрой в 6 1\2 миллиарда пудов... В золотых россыпях и медных рудниках попадаются драгоценные и цветные камни, месторождение которых здесь единственное в целом свете...»

– Семен, ну где ты там – крикнул Перовский.

Он уже дважды звонил в колокольчик, а лакея все не было. Василий Алексеевич аккуратно сложил на рабочем столе бумаги и книги, которых за последние две недели в его холостяцкой квартире накопилось немало, и сделал несколько гимнастических упражнений, сбрасывая напряжение с затекшей спины.

Наконец в коридоре послышались шаркающие шаги и бормотания Семена, разбуженного этим несносным, но таким любимым барином.

– Звали, барин? – войдя в комнату, спросил старый слуга.

– Да, Семен. Ты лодку заказал?

– Да, как Вы и велели, Василий Ляксеевич. В два часа по полудни лодку подадут на пристань.

– Хорошо. Ну, тогда давай одеваться. И шипцы грей, усы будем крутить...

Лакей направился к двери, собираясь выполнять указания барина, но потом, видимо, о чем-то вспомнив, вернулся и спросил:

– Одежу воинскую или гражданскую изволите, барин?

– Гражданскую, гражданскую – улыбаясь, передразнил лакея Перовский – Вечером буду поздно, так ты дверь не затворяй.

– А ужинать-то когда, барин? Опять голодным спать лягите? – осуждающим тоном начал ворчать Семен.

– Не переживай – обнимая старого лакея, сказал Перовский – Друзья голодными не оставят.

Удаляясь в гардеробную, слуга что-то бубнил про непутевых, по его стариковскому разумению, друзей барина. Больше всего в рассуждениях старика почему-то доставалось Сашке Пушкину и недавно появившемуся в окружении Перовского Володьке Далю, которые, вроде, уже и не ветряные мальчишки, а ведут себя, порою, как безусые сорванцы. Впрочем, на Даля старый лакей серчал меньше. Этот то ли лекарь, то ли писатель довольно часто просил Семена рассказывать старые присказки, записывая их в свою толстую тетрадь.

...В два часа по полудни облаченный в строгий камлотовый сюртук брусничного цвета с черным платком на шее, заколотым золотой булавкой в виде латинской буквы «Р», Перовский вышел на пристань, где его ожидала шлюпка.

– На Аптекарский – сказал гребцам Василий Алексеевич, погрузившись в свои раздумья, которые теперь беспрерывно преследовали его.

Назначение на пост военного губернатора для Перовского стало полной неожиданностью. Да, он выполнял поручения императора, имел опыт канцелярской работы, в конце концов, он был участником военных кампаний. Но мало ли таких людей на виду у Николая Павловича? Наверняка решение о назначении своего адъютанта в Оренбург царь принимал, выслушав мнение военного министра Чернышова и вице-канцлера Нессельроде... «Так почему именно я? – в который уже раз спрашивал себя Перовский – Оренбург сейчас становится очень важной точкой на карте империи. Он – плацдарм для броски в Среднюю Азию. А для этого нужно

утихомирить степь. Да и Персии нужно дать понять, что нынешняя Россия – размышлял он – это страна, которая идет в Азию всерьез и надолго... И Англия...»

Шлюпка замедлила свой бег по речной глади. Опытные матросы сушили весла, точно рассчитав, когда лодка должна приблизиться к пристани на Аптечном острове. Этот причал, украшенный искусной деревянной резьбой был частным. Прямо от него брусчатая дорожка убегала к изысканному и почти сказочному домику. Это бы дача вице-канцлера Российской империи Карла Васильевича Нессельроде. А вот и он сам.

Карл Роберт фон Нессельроде, таковым было полное имя будущего канцлера империи, а он им станет в 1844 году, родился за тридевять земель от России. В ночь на второе декабря 1780 года старая монашка лиссабонского монастыря Жеронимуш в каюте английского парусника, стоящего на якоре в Улиссовой бухте, перерезала ему пуповину и вынесла горланящего младенца на палубу, где нервно расхаживал отец – русский посланник в Лиссабоне Вильгельм Карл Нессельроде. Все детство и отрочество Карла прошли в Европе, и в Россию он попал лишь шестнадцатилетним подростком. Царствующий тогда Павел I, благосклонно относившийся к Нессельроде старшему, отправил юношу вначале на флот, потом в армию. Но там он себя никак не проявил. Да к тому же Карл весьма тяготился армейского уклада жизни. Походы, муштра, скудные бытовые условия были явно не для него. И вскоре он оказался в окружении Александра I, заступившего на престол после очередного дворцового переворота. Царствующий самодержиц направил Нессельроде по стопам отца, сделав его посланником по особым поручениям. И Карл начал колесить по Европе.

Вюртемберг, Штутгарт, Берлин, Гаага, Париж... В Германии он познакомился с австрийским послом Меттернихом, и... Кривотолки о связях Нессельроде с гением австрийской дипломатии и разведки появятся значительно позже, но факт остается фактом, практически все время своего пребывания в российской дипломатии, а это почти полвека, Нессельроде проводил проавстрийскую политику, ввергая Россию в международные конфликты и войны, нужные прежде всего Вене. Так, кстати, было и с походом русской армии на Париж в 1814 году. С военно-политической точки зрения этот поход России был абсолютно ненужным. И об этом императору говорил сам Кутузов, отлично понимавший, чего это будет стоить уставшей армии. Но Нессельроде убалтал самодержца, и войска пошли в сторону французской столицы. Так будет и значительно позже, когда канцлер ввергнет Россию в кровавую Крымскую войну. Уже после смерти Нессельроде станут известны факты, когда дипломат-долгожитель попросту врал императорам. Но это будет потом. А пока одетый в старомодный камзол с галунами, с широкой улыбкой на лице Карл Васильевич Нессельроде встречал своего гостя, стоя с широко распростертыми руками на живописном причале своей дачи.

Эх, как же он недолюбливал вот таких молодых да ранних! Еще и сорока нет, а уже военный губернатор. Да никакой-нибудь там Тмутаракани, а громадного Оренбургского края, где, между прочим, Нессельроде имел довольно крупные поместья. «Вот – думал он, не сбрасывая со своего лица улыбки – начнет сейчас этот выскочка нос свой совать туда, куда не просят. Дров наломать может. А вырядился-то каким щеголем...». За годы своего правления в российской дипломатии Нессельроде научился внешне не проявлять своих истинных помыслов и эмоций. Вот и сейчас он улыбался, но глаза его были... никакими.

– Ну, наконец-то, мой друг – с жутким акцентом, от которого он не сможет избавиться до самой смерти, заговорил вице-канцлер, встречая Перовского – Я уже начал беспокоиться, не случилось ли чего по дороге... Здравствуйтесь, здравствуйтесь, дорогой Василий Алексеевич... Ну как же Вы похожи на отца...

Последние слова, произнесенные Нессельроде, Перовскому были почему-то неприятны. Но он вынужден был улыбаться и пожимать вице-канцлеру руку, унизанную по моде прошлого века перстнями.

– Знавал я Вашего батюшку. Умнейший был человек – продолжал Нессельроде – Ну пойдемте в дом, обед уже стынет...

Они двинулись к дому по дорожке, обставленной по краям горшками с яркой геранью и тюльпанами.

– Красиво и уютно у Вас, Карл Васильевич – сделал комплемент Перовский.

– Вы еще не все видели, мой юный друг – явно польщенный похвалой ответил вице-канцлер – Вот отобедаем, и я Вам все покажу в своем саду.

За столом расселись чинно: во главе – сам хозяин, по правую руку – новоиспеченный оренбургский губернатор, а слева от хозяина – его жена Мария Дмитриевна, вся такая торжественная и напыщенная, как будто шел не семейный обед, а прием в царском дворце. Рядом с матерью усадили и старшую дочь Нессельроде Елену – девушку не особо красивую, но не лишенную определенных прелестей и даже какого-то шарма. Младшие Нессельроде, семнадцатилетний Дмитрий и тринадцатилетняя Мария, хотя и были представлены Перовскому, но за стол посажены не были. И, как показалось гостю, особо этому не огорчились, с радостью удалившись в сад.

– Давайте отведаем наливочки, Василий Алексеевич – начал трапезу вице-канцлер – Из собственных трав и ягод сея наливка приготовлена. Между прочим, крыжовник-то оренбургский...

– Скоро надеюсь, Карл Васильевич, воочию испробовать даров оренбургской земли – Перовский поднял бокал и на безымянном пальце его в солнечных лучах блеснул серебряный наперсток, оставивший неизгладимое впечатление на сидевшую напротив Елену Карловну – Землица там, говорят, весьма плодородна...

– Да уж, дорогой Вы мой, земля там отменная. И самое главное там ее много. Вот и поехали туда все...

– Насколько я знаю, Ваше высокопревосходительство, многие туда поехали не по своей воле...

– Ах, Вы про ссыльных? Куда без них? Вот как выхлопотал Кириллов у Анны Иоанновны право принимать там ссыльных, так туда и начали возить всяких. Там, почитай, половина губернии – потомки ссыльных да каторжных. Сейчас туда, кстати, немало поляков сослали после событий 31-го года.

– Я думаю, Карл Васильевич – отвечал Перовский – Эту практику нужно заканчивать. Оренбургский край богат своими плодородными землями и тем, что лежит в земных глубинах. Поэтому к тамошним богатствам нужно рачительно относиться...

«М-да, далеко пойдет – подумал при этом Нессельроде – Эдак, начнет этот молодец помещиков спихивать из-за богатств этих подземных». А в слух вице-канцлер произнес:

– Покойный губернатор Сухтелен, кстати, тоже многократно поднимал этот вопрос – тяжело вздохнув, он продолжил – Уже после его кончины царь-батюшка собственноручно изволили начертать на прожекте Сухтелена резолюцию, согласно которой переселение государственных крестьян в Оренбургскую губернию из других краев приостановлено... Давайте, Василий Алексеевич, еще наливочки...

Когда выпили и закусили зажаренным в собственном соку молодым барашком, Перовский, чтобы сделать вице-канцлеру приятное, заговорил о мериносах – недавнем увлечении Нессельроде.

Вице-канцлер, явно польщенный таким поворотом разговора, с восторгом начал рассказывать губернатору о своих достижениях в разведении новой для России породы овец:

– Мечтаю я, Василий Алексеевич, что когда-нибудь на бескрайних просторах оренбургской степи будут пастись тонкорунные мериносы, а не то, что сейчас там пасется. Киргизы увлекаются конями, а овцы для них, вроде как, небольшое дополнение. Там ведь и не поймешь, что за порода. Сброд сплошной. Нужен научный подход...

... После застолья мужчины вышли в сад, где продолжили разговор уже о политике, которую Перовскому предстояло проводить в Оренбурге. А в столовой между матерью и дочерью состоялся доверительный разговор.

– Ну, и как он тебе? – спросила Мария Дмитриевна смущенную дочь.

– Ах, маменька, я ничего не пойму. Он, конечно, воспитан и умен, но...

– Что но?

– А зачем у него на руке наперсток?

Мария Дмитриевна, явно озадаченная вопросом старшей дочери, ответила:

– А при чем тут наперсток? Отец, думаешь, случайно его на обед пригласил? У этого кавалера большое будущее. Он в друзьях у самого Николая Павловича числится... Ни каждому такие лакомые куски в молодости достаются...

– Про что это Вы, маменька?

– Ну, как про что? Про Оренбург... – сказала Мария Дмитриевна, подумав про себя: «И, правда, для чего он носит этот наперсток?»

Однако, Елене Карловне так и не суждено было стать губернаторшей Оренбуржья. Вскоре она выйдет замуж за подчиненного своего отца, потомственного дипломата Михаила Иринеевича Хрептовича – будущего графа и императорского гофмейстера.

А меж тем вице-канцлер не без гордости показывал гостю свой сад, созданный искусными мастерами на европейский лад. Были тут и тенистые аллеи, и таинственные гроты, и диковинные растения, выставленные в золоченых кадках вдоль посыпанных разноцветной галькой дорожек. В уединенном углу сада стояла мраморная беседка, которую ближе к макушке лета должен был увить плющ. Но пока молодые лианы лишь подкрадывались к пилястрам.

«Должно быть, в этой беседке – подумал Перовский – было сделано немало пылких признаний. И кто знает, может, и сам вице-канцлер, сейчас чопорно вышагивающий рядом, тоже признавался тут в любви Марии Дмитриевне...»

– Оренбург, Василий Алексеевич, это настоящий алмаз в российской сокровищнице. Однако, алмазу сему еще только предстоит пройти руки искусного ювелира...

Нессельроде ввел Перовского в беседку, усадил в мягкое кресло, а сам сел напротив.

– Но – продолжил он – И ювелир, делая огранку, должен понимать, насколько бесценен вверенный ему драгоценный камень. Поэтому движения должны быть выверенными и правильными. Один неверный шаг, и алмаз уже никогда не станет бриллиантом. Вы понимаете, о чем я?

– Да, Карл Васильевич, мне и государь говорил об особом месте Оренбурга в политике империи.

– Их Величество, дай бог им долгих лет жизни, смотрят далеко и глубоко – с пафосом изрек вице-канцлер, протягивая Перовскому курительную трубку – Киргизская орда вот уже сто лет не умиротворена. Еще Петр Алексеевич, великий император российский, замыслил установить мир в степи и через это наладить торговые сношения с азиатскими царствами и Индией. Но господу богу было угодно, чтобы сее испытание для России продлилось целый век... Вы слышали про Тевкелева?

– Бывший вице-губернатор Оренбургского края? – переспросил Перовский, затягиваясь ароматным и явно дорогим табаком.

– Он самый. Главный толмач Петра великого. Ну, так вот он, будучи с киргизами одной веры, умел их уговаривать...

– Да – ухмыльнулся губернатор – Особенно если учесть, что он сжег 50 башкирских деревень...

Нессельроде про себя отметил хорошую подготовку Перовского, знающего немало из истории края, которым ему теперь предстояло руководить.

– Много чего было в истории Оренбургского края. И крови тоже много было. И еще будет, если Вам, дорогой Василий Алексеевич, не удастся усмирить степь. Сами киргизы наивны как дети. Но за их спинами стоит Хива, подпитываемая Британией. Назревает большая игра. Ставки в этой игре очень большие. И нам с Вами, Василий Алексеевич, предстоит много работы – вице-канцлер протянул Перовскому папку, обшитую пунцовым атласом – Вот на досуге почитайте, мой друг. Это некоторые бумаги помянутого Тевкелева. Конечно, многое с той поры поменялось, но главные вопросы остались... Кстати, Василий Алексеевич, а ведь Тевкелев мог стать в свое время оренбургским губернатором. Но не стал. Сам виноват.

Им подали чай с ликером. И Нессельроде продолжил:

– Когда назначали Волкова в Оренбург, императрица-матушка Екатерина Алексеевна – вице-канцлер перекрестился, подняв глаза к небу – Царствие ей небесное, испрашивала у Тевкелева совета, мол, как лучше новому губернатору говорить с киргизами, чтобы те не строили никаких препятствий для русских негодян? Ну, так Тевкелев ей сказал, что, коли, не его самого назначали губернатором, то и советов он не даст. На это Ее Величество изволили распорядиться, чтобы никаких дел больше с этим татаринком не имели. Так он и помер всеми забытый. А ведь мог бы еще послужить отечеству, если б смирил гордыню...

«К чему это старый дипломат рассказывает? – подумал Перовский, ловя себя на мысли, что он, губернатор, еще очень мало знает не только о самой своей губернии, но еще меньше ведает степь, которая манила русских царей ни один десяток лет – Нессельроде хитер, как и все дипломаты. И, наверняка, этот его рассказ неслучаен».

Вице-канцлер словно прочитал мысли собеседника и, улыбнувшись, сказал:

– Думаете, для чего я Вам это рассказываю? На степи и ордах, населяющих ее, многие обжигались. Повторяю, Василий Алексеевич, назревает большая игра. Сейчас степь, или как говаривал Тевкелев, азиатская Украина, это большая шахматная доска. А вот игроки сидят в европейских столицах. Если вдуматься, то там столкнутся не только Россия и Британия, свой кусок пирога захотят получить французы, османы, персы...

Про австрийцев вице-канцлер промолчал.

Уже прощаясь с Перовским, Нессельроде приобняв гостя, таинственно произнес:

– В Оренбурге, мой дорогой, Вам представится председатель Пограничной комиссии полковник Генс. Уделите ему побольше своего драгоценного времени, которого Вам на первых порах будет не хватать. Но поверьте, то, что Вы услышите от Генса достойно Вашего внимания. И – вице-канцлер сделал паузу – многое из того, что станет Вам известным, является государственной тайной. Помните об этом всегда. Ну, с Богом, Василий Алексеевич...

В ту минуту ни Перовский, ни Нессельроде не могли знать, насколько тесно их связывает жизнь. Впереди будут и времена абсолютного доверия друг другу, и отчуждения, порою переходящего в обоюдную неприязнь, будут размолвки и дружеские объятия. Будет все, но потом. А сейчас они оба улыбаются и жмут друг другу руки. Правда, при этом глаза вице-канцлера остаются никакими.

... Возвращаясь от Нессельроде, Перовский распорядился, чтобы кучер вез его на Дворцовую набережную. Открытый экипаж неторопливо катился по улицам столицы, которая, несмотря на довольно позднее время, спать, кажется, и не собиралась. По бульварам дефилировали дамы с зонтиками, которые в эту пору были вовсе не нужны. Но дамы упорно их не закрывали, понимая, какую таинственность может создать этот атрибут гардероба. И таинственность эта так и витала над парками, бульварами и набережными. Молодые офицеры, студенты и бравые заводчики, вдохновленные сладким дурманом белых ночей, поблескивая глазами, бросали в сторону гуляющих барышень томные взгляды. И сами барышни нет-нет, но поглядывали кокетливо в сторону своих воздыхателей. Тут же прогуливались купцы в длин-

ных черных сюртуках. Время от времени они раскланивались с прохожими, снимая с головы высокие гляцевые цилиндры. Степенно проплывали пышнотельные раскрасневшиеся купчихи в цветных повойниках с неизменными шальями на плечах, которые в этот чудный вечер, как и зонтики высокородных дам, казались неуместными. Молоденькие чухонки с распущенными льняными волосами продавали букетики ландышей и кулечки присахаренных орешков. Над городом плыла благодать, которая случалась в этих краях нечасто.

Перовский заставил себя отвлечься от созерцания премоного действия, творящегося вокруг, и открыл атласную папку, лежавшую у него на коленях. Это была та самая папка, которую вручил ему Нессельроде. Губернатор прочел первый лист:

«В 1722-м году при Его Императорском Величестве блаженный и высокой славы достойный памяти Государе Императоре Петре Великом был я нижайшей в Персицком походе старшим переводчиком в секретных делах, и по возвращении ис Персидского похода Его Императорское Величество Государь Император Петр Великий изволил иметь желание для всего отечества Российской Империи полезное намерение в приведении издревле слышимых и в тогдашнее время почти неизвестных обширных Киргиз Кайсацких орд в Российское подданство Высокою своею монаршею особою меня нижайшего к тому употребить намерение имел с тем, буде оная орда в точное потданство не пожелает, то стараться мне несмотря на великие издержки хотя бы домелиона держать, но токмо чтоб только одним листом под протекцыею Российской Империи быть обязались. Ибо как Его Императорское Величество Государь Император Петр Великий в 722-м году будучи в Персицком походе и в Астрахани чрез многих изволил уведомится об оной орде; хотя де оная Киргиз Кайсацкая степной и лехкомысленной народ, токмо де всем азиатским странам и землям оная де орда ключ и врата; и тои ради причины оная де орда потребна под Российской протекцыею быть, чтоб только чрез их во всех Азиатских странах комониканцею иметь и к Российской стороне полезные и способные меры взять. И ежели же моими трудами оная орда приведена будет в Российское потданство; то соизволил Его Императорское Величество изустно мне милостиво объявить: за то я нижайшей от Его Императорского Величества к немалому награждению удостоен буду. Но токмо оное за кончиною Его Императорского Величества тогда в действо не произведено».

Он бережно закрыл папку и задумался о смысле прочитанного. Формально Младшая и Средняя орды уже сто лет состоят в российском подданстве. И не силой оружия Россия присоединяла к себе новые земли. Тонкая дипломатия и торговля, замешанные на дальновидном расчете привели степь под крыло России. «Если вдуматься, – размышлял Перовский – то век назад киргизам деваться было некуда. Или идти на поклон к русским царям, ища у них защиты, или погнубнуть под копытами джунгаров. Да и Китай хотел прибрать к рукам громадную территорию. Не вышло. Русь-матушка заступилась... Но мира в степи так и нет. И киргизы что-то часто стали говорить о независимости от русского престола...».

Экипаж, размеренно покачиваясь на брусчатке Дворцовой набережной, свернул в проулок и остановился возле живописного двухэтажного дома, на крыльце которого расхаживал важный лакей, разодетый по моде прошлого века в парчовую ливрею. Голова его была покрыта напудренным париком, ниспадавшим чуть ли не до половины груди. Лет, эдак, 70 назад так мог выглядеть какой-нибудь царский сановник. А теперь так был наряжен лакей, встретивший Перовского поклоном:

– Как изволите доложить?

– Военный губернатор Оренбургской губернии Перовский.

Лакей распахнул перед гостем массивную дверь, и Василий Алексеевич оказался в довольно приличном и по размерам, и по убранству вестибюле, ярко освещенном тремя пятисвечниками. Со второго этажа слышались звуки гитары, веселые мужские голоса и смех. «Уже начали – улыбаясь, подумал Перовский – Не дождались черти».

– Ну, наконец-то – раздалось сверху. По лестнице ему навстречу почти бегом спускался розовощекий и весь такой кудрявый Петр Андреевич Вяземский – Только Вас и ждем, Василий Алексеевич. Здравствуйте – он протянул Перовскому руку – Ну пойдёмте. Сегодня все свои. Александр Сергеевич обещал почитать свои новинки...

Они поднялись в довольно большую комнату, где дым стоял коромыслом, хотя все окна были распахнуты. В дальнем углу в мягком кресле расположился красивый брюнет, что-то напевавший под гитару. Чуть поодаль, у окна, скинув сюртуки, стояли трое. Они громко над чем-то смеялись.

– Друзья, а вот и наш губернатор – провозгласил Вяземский.

– Давайте без званий, Петр Андреевич – смутился Перовский.

Первым с объятиями к нему кинулся Пушкин:

– Ну, здравствуй, здравствуй, Василий Алексеевич – великий поэт обнял Перовского – какой ты сегодня весь важный. Не иначе во дворце был?

– Здравствуй, Александр Сергеевич. Весьма рад тебя видеть.

Потом с рукопожатием к опоздавшему гостю подошел большой, но такой мягкий и даже застенчивый, Петр Александрович Плетнев, с которым Перовский был знаком, благодаря Пушкину.

– Вечер добрый, Василий Алексеевич – пробасил критик – Не скрою, удивлен Вашему назначению. Однако весьма рад этому.

– Да я и сам, если честно, Петр Александрович, не меньше Вашего удивлен – рассмеялся Перовский, отвечая на рукопожатие.

Из своего кресла поднялся брюнет и тоже с радостной улыбкой на почти девичьих губах направился к Перовскому. Это был приехавший недавно из Москвы поэт Евгений Абрамович Баратынский, с которым Перовский уже не единожды встречался вот на таких поэтических посиделках.

– Приветствую Вас, владыка степей – хохотнул поэт, пожимая руку губернатора – А мы сейчас только говорили, что Вам, Василий Алексеевич, предстоит трудиться там, где когда-то вольничал Пугачев. Александр Сергеевич вот задумал...

– Подожди, брат-Баратынский – прервал его Пушкин – Я сам потом расскажу. Разреши, Василий Алексеевич, представить тебе Николая Васильевича Гоголя. Незаурядного, поверь мне, писателя – он подвел несколько удивленного Перовского к долговязому сутулому незнакомцу – Да-да, это и есть тот самый Николай Васильевич, который удивит весь мир и нас еще ни один раз...

Пока шли приветствия и знакомства, все тот же лакей в ливрее и старом парике расторопно расставил на столе бутылки с вином и тарелки с закуской, а потом в ожидании новых распоряжений с торжественным видом занял место у двери.

– Друзья, давайте за стол – пригласил Вяземский.

И вскоре дружная мужская компания зазвенела фужерами и столовыми приборами...

Перовский любил бывать на таких вечеринках. И не потому, что в эти мгновения можно было отвлечься от повседневности. В конце концов, найти отдушину, можно было и в другом обществе – офицеров, царедворцев или просто баловней судьбы, но Василия Алексеевича тянуло именно к творческой богеме. Хотя... Это сейчас они богема, а ведь недавно... Тот же Вяземский еще совсем недавно был ссыльным. Даль, который в сегодняшний вечер дежурил

в госпитале и не смог принять участия в дружеской попойке, полгода назад сидел в тюрьме. Да и сам Пушкин по большому счету находился под надзором...

Что-то их притягивало друг к другу. В этой дружбе как-то незримо, но вполне осязаемо присутствовал еще один человек. О нем не принято было говорить, но он тоже как бы сидел за столом. Царствующий Николай Павлович был двоякой личностью. Его, прошедшего через межвластие и Сенатскую площадь, было трудно назвать либералом, но он, порою, мог проявить снисхождение и даже мягкость в отношении творческих людей, которые его, помазанника божьего, критиковали. Самодержец прекрасно знал, что Перовский, да и воспитатель наследника престола Жуковский поддерживают дружеские отношения с вольнодумными поэтами и писателями, но в эту дружбу он никак не вмешивался. Впрочем, довольно часто император интересовался у того же Перовского, как, например, поживает Пушкин? Что нового он написал?

...Дружеская вечеринка из застолья потихоньку перешла в творческую фазу. Как и за столом, центром всего был Пушкин, который, пожалуй, уже смирился с общепринятым статусом великого поэта. Он балагурил, много смеялся, по-доброму подтрунивая над друзьями. В этом с ним мог потягаться один лишь Баратынский, которому тоже опасно было класть палец в рот. Но даже он, в конце концов, умолк, очарованный Александром Сергеевичем.

Пушкин был почти прекрасен, когда читал:

«Не дай мне бог сойти с ума.
Нет, легче посох и сума;
Нет, легче труд и глад.
Не то, чтоб разумом моим
Я дорожил; не то, чтоб с ним
Расстаться был не рад:
Когда б оставили меня
На воле, как бы резво я
Пустился в темный лес!
Я пел бы в пламенном бреду,
Я забывался бы в чаду
Нестройных, чудных грез.
И я б заслушивался волн,
И я глядел бы, счастья полн,
В пустые небеса;
И силен, волен был бы я,
Как вихорь, роющий поля,
Ломающий леса.
Да вот беда: сойди с ума,
И страшен будешь как чума,
Как раз тебя запрут,
Посадят на цепь дурака
И сквозь решетку как зверка
Дразнить тебя придут.
А ночью слышать буду я
Не голос яркий соловья,
Не шум глухой дубров —
А крик товарищей моих,
Да брань зрителей ночных,
Да визг, да звон оков»

Глава 2. Степные химеры

Туман киселем лежал в ложбинах и оврагах, цепляясь своими драными краями за ветки деревьев, уже успевшие окраситься первым осенним золотом, и гранитные валуны, которые в эту пору выглядели по-особенному таинственно. Из-за утеса, что высился вдалеке, поднималось ярило, спешащее обогреть землю теплом бабьего лета. Вот его лучи коснулись верхушек мохнатых лиственниц. Потом солнечные зайчики блеснули в листве осин и берез, вдруг задрожавших под дуновением легкого ветерка. И, наконец, первый луч упал на подлесок, где сладко досыпали примостившиеся на мокрой траве туманные облака. Они дрогнули, зашевелились и начали свой полет к небу...

Иван полюбил эту ранешнюю пору еще с детства. Когда братья и сестры досматривали свои последние сны на полотах, он выбегал во двор, взбирался на лестницу и смотрел, как солнце пробуждает землю. «Петушок ты наш – ласково говаривала бабушка Нюра, глядя своего любимца по вихрастой голове – И не спишься тебе спозаранку, понежилась бы еще – А потом, тяжело вздохнув, добавляла – Весь в батьку пошел...».

Да, Матвей Осипович Мякишев, не относился к лежебокам. Вставал он с первыми петухами, когда горизонт только начинал бледнеть. А спать укладывался последним, скрупулезно осмотрев свои дворовые владения и проверив надежность засовов и замков. Трудягой он был завидным. Одним из первых в Санарке он возвел деревянный пятистенок на высоком каменном фундаменте. Односельчане еще жили в своих смрадных землянках, а семья Мякиша, так за глаза завистливые земляки называли Матвея Осиповича, уже справляла новоселье. И все-то у него ладилось, не смотря на все тяготы казачьей доли. Служебные отлучки из дома случались часто. И всякий раз, возвращаясь домой, он с удвоенной силой принимался за домашние дела. Эти хлопоты его однажды и сгубили. Отправившись в бор за строевым лесом, домой он уже не вернулся. Что произошло там, никто так и не узнал. Однако, нашли его уже остывшим и изглоданным лесным гнусом под большим лиственничным бревном, переломившим мощный хребет трудолюба.

И четырнадцатилетний Иван остался за старшего мужика в доме. Рос он крепким и скороспелым. Поэтому женили его рано, в 16 лет. Для этого казачья вдова Зоя Степановна Мякишева даже испрашивала специального разрешения у войсковых начальников и троицких священников. Такое разрешение на женитьбу малолетка было получено, и на яблочный спас 1822 года в дом Мякишевых вошла молодая хозяйка – дочь урядника Ерофея Степанова, восемнадцатилетняя Анна.

За прошедшие с той поры годы дом Мякишевых заметно опустел. Братья Михаил и Николай, тоже, кстати, быстро возмужавшие, женились и стали жить отдельно. Сестрицы Татьяна и Марфа вышли замуж и теперь проживали в домах своих мужей в Степной станице. А еще раньше ушла в мир иной осиротевшая Зоя Степановна, пережив мужа всего на два года. В 1830-м, как раз в страстную пятницу, по-тихому умерла и баба Нюра...

В крепкой добротной избе, построенной еще отцом, теперь подрастали Ивановы дети – сын и дочка, которых Бог уберег от смертельных хворей, уносивших на тот свет много младенцев. «Бог дал, Бог взял» – говаривали люди, схоронив очередного умершего ребенка. Так было и у Ивана с Анной – снесли они на погост троих младенцев. А сейчас Анюта опять понесла, округлилась, собираясь к рождеству родить Ивану сына. То, что в чреве ее был именно сын, почти никто не сомневался – живот Анюты торчал «огурчиком».

...Иван поднялся с почти круглого валуна, невесть откуда взявшегося на лесной опушке, еще раз окинул взором красоту зарождавшегося дня и весело зашагал к дому, где, наверняка, его уже ждали к завтраку.

Работы в эту пору в хозяйстве было невпроворот. Осенняя страда была в полном разгаре. Стоявшее в кладушках жито ждало обмолота. С этим тянуть было нельзя. Еще несколько дней благостного тепла, и все. Потом зарядят дожди. Вон уже и гусиные стаи потянулись к югу. А тут еще и новое войсковое начальство затеяло нововведения, решив одеть оренбургских казаков в единую форму нового образца. И нужно было это делать за свой счет: что-то перешивать и перекрашивать, а что-то и приобретать в Троицке. Те же новые ружья, которые недавно выдали казакам вместо привычных карабинов, тоже приходилось оплачивать из своего кармана. Таковыми уж были устои. Империя в обмен на относительную свободу и землю требовала от казаков постоянной боевой готовности и экипировки согласно высочайше утвержденным уставам и положениям. И все это за счет самих казаков.

Размышляя обо всем этом, Иван легкой походкой поднялся на взгорок, с которого родная Санарка была видна как на ладони. Уже издали он заметил, что в поселке творилась какая-то странная для раннего утра суета. Все, вроде, было как обычно. Стадо мычащих коров, подгоняемое умелыми пастухами братьями Деминными, побрело на выпаса. Начала дымиться кузня, и уже были слышны первые удары молотов. Соседская баба Варя выставляла на просушку колодки с новехонькими валенками, сваленными накануне знатным местным пимокатом Гордеем Суминым. Все как всегда. Но к этому добавлялось еще и необычное в эту пору скопление людей на поляне возле хлебного амбара. Такое обычно случалось, когда из города приезжали глашатаи и зачитывали царские указы или важные губернские новости.

– Батя-я-я – услышал Иван знакомый голос у себя за спиной.

Он оглянулся. Его догонял запыхавшийся сын Ванька.

Мальчик, чуть отдышавшись, сказал:

– Батя, срочный сбор объявили. Мамка за тобой послала...

Иван с тоской глянул на поле, где ровными рядами стояли скирды необмолоченной ржи. «Как некстати» – подумал он, а вслух спросил у сына:

– Чего стряслось там?

– Говорят, киргизы погромили заречные хутора.

...Такое случалось и раньше. Налетят, как коршуны, из степей киргизы, разорят хутора, вытопчут своими конями посевы, угонят скот. И ищи их потом по всей великой степи. Это только с виду степь ровная как стол, а присмотришься, и станут заметными холмы и овраги, урочища и кособоры. Их степняки знают на зубок, а для казака степь пока неродная и неизведанная. Поэтому погони, отправляемые за налетчиками, заканчивались, зачастую, безрезультатно. И бог бы с ними, с этим угнанным скотом и потоптанными полями. В конце концов, все это восполнимо. Но степняки угоняли в рабство мирных жителей казачьих станиц и городов. Заезжается какой-нибудь мужик на сенокосе, и вот уже тянут его, как барана, на аркане в степь. Если повезет, то оседет он в каком-нибудь ауле за Амударьей. Но такое случалось нечасто. Как правило, пленного гнали дальше – до Хивы и Бухары, где он и продавался в рабство. Собственно, ради этого их и похищали киргизы. Работорговля во все времена была прибыльным делом.

Дерзость нападений киргиз-кайсаков в последнее время стала нарастать. Чувствовалось, что в степи закипает котел новых волнений, которые бывали здесь и раньше. Обычно шайки налетчиков были малочисленными, их набеги ограничивались барантой, которую сами киргизы преступлением не считали. Впрочем, не считали так и башкирцы, которые нет-нет, но угоняли скот у своих степных соседей. К этому казаки уже привыкли. В таких случаях небольшой отряд казаков находил виновных, и конфликт был исчерпан. Сейчас же стало происходить нечто другое. Целые отряды киргизов прорывались через пограничную линию, углублялись в башкирские земли, громя все на своем пути. Так могли поступать только выходцы из Среднего жуза, никак не связанные с этими краями. Рода, относящиеся к Младшей орде, уже привыкли к соседству с русскими и старались лишней раз не конфликтовать с ними. Их стычки с башкирцами были быстротечны. И, скорее всего, они были простым проявлением вековых

традиций. Ну, как не угнать скакунов у соседа, если в прошлом году тот случайно загнал свой табун на чужую землю?

Сейчас в степи ощущался особый накал. Мало того, что нападениям подвергались русские и башкирские деревни, так от этих набегов страдали и мирные киргизы Младшего жуза, находившиеся в этих краях все лето на своих пастбищах. И страдали они очень жестоко. Нападавшие убивали своих, как они считали, неверных сородичей целыми семьями. Вырезались и старики, и дети. Так Средний жуз наказывал «младших» собратьев за дружбу с русскими.

Тогда еще никто не мог предположить, что так яростно зарождалось восстание, которое продлится целых три года. Уже были написаны строки:

«Что толку народу от тронов золотых,
Что толку народу от ханов лихих,
Если для немощных и бедняков
Нет справедливости, правды у них?»

И это был уже не рядовой бунт. Начиналась война, направленная против устоев государства...

...Сборы были недолгими. Амуниция и оружие всегда были наготове. Ванька умело водрузил на нетерпеливо подрагивающего Красавчика седло и затянул упряжь. Аннушка на скорую руку собрала в дорогу провиант, которого должно было хватить дня на два. Даже маленькая Иришка приняла участие в сборах. Она, чихая и смеясь, наполняла отцовский кисет табаком.

Иван, выйдя на крыльцо, вынул из ножен начищенную до блеска шашку и рубанул ее заросли крапивы за сараем. Подкошенные стебли легли ровным рядком.

Иван невольно оглянулся и увидел сына, который восхищенно смотрел на отца. Он смущенно улыбнулся и направился к Ваньке, державшего под уздцы уже готового к дороге Красавчика. Иван проверил все ремни в упряжи и остался доволен: сын сделал все верно.

– Ну, Ваньша, все, пора выдвигаться – обратился он к сыну – Ты это... Мамке помогай... Начинай потихоньку молотить хлеб. Может, недолго все это. Но кто знает...

– Ладно – дрогнувшим голосом ответил мальчик...

Сводный отряд под командованием подполковника Рогожникова, выступив одной частью из Степной, а другой из Троицка, выдвинулся за Уй к обеду. Встреча колонн была намечена на озере Камышлы. А уже оттуда отряд должен был двигаться к югу, и, преодолев непредсказуемый Тогузак, преследовать нападавших и отбить, если получится, угнанных людей и скот. Однако, задуманному не суждено было случиться. Один из дозоров, посланных Рогожниковым на разведку, принес нехорошую весть – на дальнем берегу Бузкуля полыхали стойбища киргизов. И подполковник принял решение не дожидаться степнинской сотни у Камышлов, а повернуть на восток. Сами по себе стойбища в степи загореться не могли, и налетчики были рядом.

Оставив у горящих костров с десятков человек дожидаться запаздывающих казаков из Степной, Рогожников в ночной тьме двинул свой отряд в сторону Бузкуля. На берегах этого озера еще издревле были летние пастбища миролюбивого рода шомекей, снабжавшего Троицк и всю округу шерстью, мясом и кумысом.

Это днем казаки преодолели бы двадцать верст за пару часов, а ночью дорога до Бузкуля заняла целых шесть: то овраги, то буераки, а то и возможная засада, за каким-нибудь редким в этих местах перелеском.

В ранних предрассветных сумерках отряд Рогожникова, измотанный ночным переходом, наконец-то вышел на западный берег круглого, как полная луна, озера. Гарью запахло еще издали.

Кони под наездниками ступали с опаской по еще местами дымящейся траве. Внезапно жеребец подполковника шарахнулся в сторону. Утихомирив умное животное, Рогожников сказал ехавшему рядом капитану Северьянову:

– Сергей Владимирович, дайте команду всем спешиться и цепью прочесать все в округе.

Пока расторопный капитан выполнял приказ командира, подполковник, не смотря на свою грузность, легко спрыгнул с коня и, отдав удила ординарцу, пошел смотреть, чего так испугался его жеребец.

В метрах тридцати он наткнулся на дохлую собаку. Череп несчастного животного был размозжен чем-то тяжелым. Вся трава вокруг была испачкана кровью. Вид убитого совсем недавно кабеля, наверняка до последнего защищавшего своего хозяина, вызвал в Рогожникове тошнотворное состояние. Желудок конвульсивно сжался в узел – старая язва не давала покою.

– Мишка – крикнул он ординарцу – дай мою флягу.

Ординарец, сказав «ага», пулей метнулся к вьючной лошади, стоявшей неподалеку, и вскоре подал Рогожникову миниатюрную покрытую серебром, фляжку с неизвестной Мишке жидкостью.

Василий Иванович открыл крышку и припал губами к горлышку. По пищеводу потекла тягучая терпкая жидкость, приготовленная специально для него старой башкиркой по только ей известному рецепту из трав, сотового меда и каких-то жуков, которые водились исключительно в дубовых рощах на левом склоне Уральских гор.

Боль вскоре утихла, и подполковник, сунув фляжку с эликсиром в карман, двинулся в сторону сгоревшего стойбища.

Картина была ужасной. От юрт остались одни только обугленные остовы. Небогатая утварь, испачканная кровью и копотью, валялась по всей округе. И везде были трупы киргизов, застигнутых врасплох жестокими налетчиками. Женщины и мужчины, старики и дети...

В одном месте Рогожников увидел столпившихся казаков, склонившихся над кем-то. Это была молодая беременная киргизка со вспоротым животом. Она была еще жива, но дыхание ее становилось все прерывистей. Она умирала. И хотя сознание уже покинуло несчастную, ее руки конвульсивно прикрывали живот, из которого медленно струилась почти черная кровь.

Рядом лежал молодой мужчина с перерубленной шеей. Глаза киргиза были открыты и удивленно смотрели остекленевшим взором в небо, озаренное первыми лучами восходящего солнца.

В траве неподалеку вдруг раздался какой-то нечеловеческий визг. Все оглянулись. Рослый казак нес на руках вопящего киргизенка.

– Мякишев, ты? – узнав в верзиле санарского драчуна, спросил Рогожников.

– Да это, ваше благородие... Тут вот... – Иван растерянно протянул вперед орущего ребенка, неистово тянувшего свои ручонки к лежащим на земле мужчине и женщине – В траве вот схоронился... Ну я это...

Казак сгрудился вокруг такой неожиданной и радостной находки. Пусть и нехристь, но живой. Мальчонка, на вид которому было года полтора, сучил кривыми ногами и сипло уже даже не визжал, видимо, смирившись со своей долей, а жалобно стонал.

– Надеть мальчика закутать во што-то – со знанием дела произнес старый казак Ерофеич, воспитывающий уже пятого внука..

Тут же у кого-то нашелся шерстяной шарф. У другого казака вообще отыскались вязаные носки. Так и нарядили мужики обессилевшего ребенка.

– А чаво теперь с ним делать-то?

– Ну не бросать же ево тут...

– Эко ж ему досталось! Матку убили ироды. Да и батька евоный, поди, рядом мертвый лежит...

Казаки вопросительно поглядывали на командира. Рогожников, до селе наблюдавший за всем происходящим со стороны, кашлянул, чтобы скрыть вдруг нахлынувшее волнение и сказал:

– Пацаненка забираем с собой. Будем решать его судьбу в Троицке – и, обернувшись к Мякишеву, добавил – Везет тебе, казак, на спасенные души. Видать дар у тебя.

Иван переложил с руки на руку затихший сверток и смущенно ответил:

– Ваше благородие, это тот самый приبلудный киргиз. Ну тот, который весной... Вон на нем и рубаха моя... Жинка моя ему отдала тогда... А это – он кивнул в сторону уже бездыханного тела женщины – мамка его получается...

...Придав всех убитых земле, уже ближе к вечеру отряд подполковника Рогожникова двинулся в сторону Троицка. Преследовать бандитов не имело смысла, они были уже далеко...

Восьмому правителю из династии мингов Махаммад Алихану в эту ночь не спалось. Ему было душно и жарко, хотя жаровни во дворце уже давно остыли, а за окнами пролетали редкие в этих краях снежинки. Он откинул шелковое покрывало, и две юные наложницы, лежащие рядом с ним, поежившись в сладком сне, еще плотнее прижались к горячему молодому телу Алихана. Правитель с минуту полюбовался на почти детские фигурки обнаженных девушек, еще час назад так страстно его ласкавших, осторожно отстранил от себя их нежные руки и тихо поднялся с ложа. Потом он заботливо укрыл наложниц покрывалом, накинул халат, валявшийся на полу, и подошел к окну.

Коканд спал. Где-то вдалеке время от времени постукивали своими колотушками сторожа, чуть ближе слышалось звяканье мечей и щитов караульных, гревшихся возле дымящих бочек, обильно политых бараньим жиром. Вдалеке подвывала собака. И над всем этим тихо царствовал пушистый снег. Начавшись с редких колючих снежинок, сейчас он летел мохнатыми хлопьями, покрывая белоснежным саваном все в округе. Вечнозеленые платаны и можжевеловые кусты, растущие под окнами дворца, быстро покрывались поблескивающими под огнями факелов шапками...

«К чему бы это? – подумал Алихан – Не начинают ли сбываться предсказания придворного астролога, предрекающего большие испытания, грозящие моим владениям?».

Правителю вдруг вспомнился рассказ, некогда слышанный им от своей бабки. Незадолго до его рождения вот точно также неожиданно на Коканд лег снег. И совсем скоро подсланный фанатик кинжалом убил его дядю Алимхана, правившего Кокандом одиннадцать лет и за свою жестокость прозванного в народе залимом. «А фанатик-то тот – размышлял Алихан – был подслан моим отцом». Дворцовые перевороты и убийства наследников престола были привычным делом в среднеазиатских царствах. И каждый из правителей, восходя на престол, первым делом старался устранить тех, кто мог претендовать на власть. Не исключением был и Алихан. И думая об этом, 24-летний хан, восседавший на своем престоле вот уже 12 лет, мысленно просил у небес: «О, Всемогущий! Ниспошли мне лучше смерть в бою, чем гибель от предательского кинжала или ядовитого шербета».

Снегопад прекратился. И теперь вся округа была непривычно белой. Снег лежал на крышах дворцов и хижин, на минаретах и крепостных стенах, на медресе и городской тюрьме...

«Говорят, где-то очень далеко – думал Алихан, люблюсь снежным убранством своей столицы – есть громадная страна, где так белым бело бывает по полгода. Где люди, спасаясь от стужи, надевают на себя меха и шкуры. Где царь сидит в золотом дворце на золотом троне. Об этом говорят купцы, побывавшие там. И называется та страна Россией. Приезжающие из Индии в Коканд британцы пугают, что когда-нибудь эти северные люди придут и сюда,

разрушат наши минареты и мавзолеи, осквернят могилы наших предков... И зачем я связался с этим киргизским султаном?»

Повелителю явственно вспомнилось узкое лицо султана Кенесары с хитроватыми раскосыми глазами. Да, он льстил и, как подобает вассалу, приклонялся перед ханом, показывая всем своим видом покорность и преданность. Но в глазах его мелькали искры неподвластности и какой-то диковатой решимости. Формально этот султан был вассалом русского царя, но вот решил он вернуть под крыло Коканда всех своих диких сородичей.

И Алихан уступил. Не безвозмездно, конечно. Под знамена Кенесары было отдано шестьсот воинов Алихана. И где они сейчас? Воюют с неверными или уже нашли свою смерть где-то там, в снежной России?

Хан тяжело вздохнул, еще раз глянул в окно и направился к своей постели. Наложницы, обнявшись друг с другом, спали, улыбаясь каким-то своим видениям. Алихан скинул халат и нырнул под покрывало, целиком отдавшись сладким предрассветным утехам.

Беспокойно в эту ночь спал и ровесник кокандского хана эмир Бухары Насрулла. Он ворочался с боку на бок на широченной кровати в своем роскошном дворце и все никак не мог уснуть здоровым сном. В полудреме ему являлись какие-то туманные образы. Они что-то говорили, упрекая и ругая Насруллу за его прегрешения. Он вздрагивал, переворачивался на другой бок, и все начиналось сначала.

Из кровавого тумана вдруг появилось лицо старшего брата Хусейна, с усмешкой спрашивающего Насруллу о его здоровье. Потом знакомый лик вдруг стал подрагивать и расширяться. И вот перед эмиром уже не только Хусейн, а еще кто-то. Но кто? Лицо незнакомца прояснилось, и любимый брат Умар, тыча в Насруллу своим изящным пальцем, прокричал: «Это ты! Ты! Ты!...»

Эмир соскочил с кровати в холодном поту. Его трясло. Прошрое опять подступило вплотную. Оно не давало спокойно жить все годы его царствования. Поначалу он умел гнать от себя воспоминания, но чем дальше, тем все чаще и чаще лики былого навещали его.

В 1826 году скончался правивший более четверти века Бухарой эмир Хайдар. Как и полагалось, после смерти отца на престол взшел старший сын эмира Хусейн. Но тут же он начал чахнуть, хотя до этого никогда не жаловался на свое здоровье. Через два месяца, чувствуя приближение неизбежной смерти, эмир Хусейн завещал престол второму сыну Хайдара, Умару. Но и тому суждено было процарствовать лишь четыре месяца. По весне он внезапно свалился со своего скакуна, и скончался через два дня, не приходя в сознание.

Все это происходило под неусыпным контролем кушбеги Хакима. Собственно им все и было организовано. Яд, подсыпaeмый в еду молодым эмирам людьми Хакима, убивал правителей медленно, но неотвратимо. И все это было на глазах Насруллы, и при его молчаливом согласии. Он с нетерпением ждал, когда же освободится трон. И дождался.

А теперь все ключевые посты в эмирате заняли родственники Хакима, безудержно при этом наживаясь. Они управляли не только эмиратом, но и самим Насруллой. Это доводило его до нервных припадков. Он молчал. Пока молчал.

И Всевышний гневился на эмира. Многочисленные жены все никак не могли родить ему наследника. Это тяготило Насруллу особенно. Сколько молитв, сколько заклинаний было сказано! Сколько жертвоприношений, сколько даров нищим! И все впустую. Знахари давали ему какие-то снадобья, муллы молились перед каждым соитием правителя, но все было напрасно. Рождались девочки. Одна за другой.

Насрулла, обтерев взмокшее лицо краем покрывала, поднялся с ложа. Дрожь, вроде, утихла. Но тревога не покидала его. Он на цыпочках подошел к двери спальни и проверил

надежность запертых замков. Эмир вслушивался в ночную тишину, но так ничего и не услышал. Кругом все спало.

Правитель подошел к столику, стоявшему в углу опочивальни, тряхнул стоящую там колбу кальяна, подогреваемого негаснущим огоньком, и с жадностью припал ртом к мундштуку. Он глубоко вдохнул пьянящий аромат. Потом еще и еще. И вот голова приятно закружилась. Перед глазами начало все плыть, сверкая разноцветными огнями. Прошлое начало отступать. Насрулла прилег на резную кушетку, вдруг показавшуюся ему удивительно мягкой. Его сознание уносилось в удивительный и спокойный мир...

Единственным из всей троицы властителей среднеазиатских сатрапий, кто крепко спал в эту холодную ночь, был хан Хarezмского ханства Аллакулихан. Его давно уже не посещали припадки меланхолии, приступы душевных терзаний и угрызений совести. Он так был воспитан. Сорокалетний хан мог пустить слезу над неспособной оценить себя сухой, но был абсолютно спокоен, и даже весел, когда при нем живьем сдирали кожу с раба, осмелившегося бежать из Хивы. Он мог часами перебирать сотни выколотых человеческих глаз, доставляемых к ханскому трону после очередного карательного рейда его опричников в поселения сартов. При этом ни один мускул на красивом лице Аллакули-хана даже не вздрагивал. А ханский рот отчего-то наполнялся слюной. Такими же были и его дядя Эльтузар-хан, нашедший свою смерть на дне Амударьи после жестокого поражения от войска эмира Бухарского Хайдара, и его отец Мухаммад Рахим-хан I, унаследовавший трон после гибели брата.

...Хива, зародившаяся, как государство, в «утробе» династии шейбонидов, откололась от своих генетических собратьев-узбеков и стала самостоятельным ханством. Она всегда враждебно относилась к своим родичам – Бухаре и Коканду, при этом не забывая их периодически грабить. Молодому государству, сотрясаемому постоянными конфликтами кочевых племен и подвергаемому внешней агрессии со стороны не особо миролюбивых соседей, приходилось бороться за свою независимость. И в этой борьбе все средства были хороши. Видимо, именно это отложило особый отпечаток на мировосприятие хивинских ханов: на что у других среднеазиатских правителей было табу, для властителей Хивы являлось вполне естественным и даже необходимым по их пониманию. Поэтому в ханстве процветали работорговля и дикие способы пыток, невероятных размеров достигла коррупция.

Особый интерес Хива вызывала у англичан. Бухара и Коканд, хотя бы внешне проявлявшие свою независимость, могли показать зубы английским эмиссарам. А вот чиновники в Хивинском ханстве за определенную мзду могли сделать для англичан все, что угодно. А Лондону хотелось многого.

Британской империи, например, не давало покою «завещание» Петра Великого, которое производило впечатление на всю Европу на протяжении всего XIX века. И любые военные действия России против Турции и Персии воспринимались на берегах Темзы как угроза английской колониальной монополии в этом регионе.

В Лондоне не без оснований полагали, что Хивинское ханство и для России имеет особое значение на пути проникновения в Афганистан, а уж оттуда и в Индию. Конечно, русские могли достичь сказочного Индостана и через Персию. Но там они явно завязли, да и лежавший в тылу русской армии Кавказ был чреват всякими неприятными сюрпризами. Куда спокойней был путь через Каспий, а точнее его берега, заселенные степняками. Вот поэтому англичане всеми силами старались не допустить русских за Амударью.

И русские, и англичане имели на тот момент довольно слабое представление о географии степи. Однако, обе империи были прекрасно осведомлены о минерально-сырьевом потенци-

але этого дикого края. Минерологи обеих стран имели в своих запасниках богатые коллекции местных руд. Поэтому было из-за чего потягаться.

Ну и, как бы, маленьким штришком в антироссийской стратегии Лондона в этом регионе была и постоянно набирающая мощь металлургия Урала. Конечно, Урал от Хивы был за тридевять земель. Но почему бы через беспокойную степь не пощекотать нервы русскому медведю? И щекотали. Где подношениями, где лестью, а где и откровенной ложью англичане сплетали паутину, призванную натравить степь на границы России. Пусть там будет беспокойно. Тогда уж русским станет не до Хивы, а уж тем более до Индии.

Дипломатия Лондона была хитрой. Впрочем, иной она и не могла быть: напрямую Англия никогда не воевала против России. Она умела действовать через своих союзников. Пусть воюют они. А английские дипломаты премило улыбались своим русским коллегам. Однако, и те, и другие прекрасно понимали, что идет тайная война. А во всякой войне должны быть победители и побежденные. Но кто кем будет, покажет время...

...Вечером Аллакули расслаблялся в мраморной ванне, наполненной верблюжьим молоком и настоями душистых трав. Потом он выпил горячего шоколада и хлопнул в ладоши. Евнухи ввели в ханскую опочивальню заранее отобранную в гареме дежурную жену. Властитель, несколько не стесняясь присутствия посторонних, на скорую руку выполнил свой супружеский долг. А потом, откинувшись на подушки, он уснул, оглашая своим храпом весь дворец Таш-Хаули. Знал бы тогда Аллакули-хан, что предстоит испытать его женам в недалеком будущем! Знай он это, то убил бы их собственноручно.

А в Оренбурге в эту ночь проходил бал. Первый новогодний бал, устраиваемый новым военным губернатором. Нет, балы в жизни Оренбурга проводились и при предшественниках Василия Алексеевича, но именно при нем они стали настоящими празднествами для городской общественности. Каждый бал при Перовском становился событием, куда стремились попасть многие. Он привнес в них столичный шик, изысканность церемониала и какую-то степенность. На этих балах родители устраивали показы своих чад. Здесь заводили знакомства и налаживали связи. Здесь иногда даже свершались деловые сделки.

...Перовский, если честно, уже приустал от бесконечных представлений. Но он держался. Этикет есть этикет. Он пожимал руки генералам и штатским, целовал руки их женам, с улыбкой на лице делал легкие поклоны молодым особам, которых родители стремились непременно представить военному губернатору.

Глядя на все мучения Перовского, стоявший неподалеку Владимир Иванович Даль, широко улыбался и делал какие-то знаки губернатору. Василий Алексеевич, заметив это, тоже улыбнулся и, чтобы, наконец, прервать эту нескончаемую очередь, он разгладил свои пышные усы и распорядился начать бал.

Зазвучала мелодия полонеза, которую пока не очень уверенно выводил гарнизонный оркестр. Все присутствующие выстроились для торжественного шествия. И бал начался. Перовскому можно было перевести дух. Заведенный еще Екатериной Великой порядок начала балов именно с полонеза, длившегося почти полчаса, дал Перовскому возможность немного прийти в себя после этой кутерьмы. Он махнул Далю рукой, и они удалились в соседнюю комнату, чтобы успеть выкурить по трубке ароматного голландского табаку, привезенного недавно купцами в Оренбург.

...Владимир Иванович Даль служил при Перовском чиновником для особых поручений. Прибыл он в Оренбург чуть позже военного губернатора, задержавшись в столице в связи со своей женитьбой. Однако, знакомы они были уже не первый год. И знакомство этих двух незаурядных личностей случилось по вине все того же литературного круга единомышленников, к которому стремились оба.

Даль в Петербурге был известен, как первоклассный врач-оператор, обладавший довольно редким качеством – он мог одинаково точно оперировать как правой, так и левой рукой. Поэтому нередко за ним посылали даже признанные светила хирургии, которым был необходим ассистент-левша.

Врачевание врачеванием, но Даля тянуло в литературу. Первые же его публикации, написанные от имени казака Луганского, вызвали большой резонанс и среди писательской братии, и среди литературных критиков. Многие отмечали непривычный для уха российского дворянства, воспитанного на французских романах, язык автора. Уж, очень простым, по мнению критиков, был слог «казака Луганского».

Обратил внимание на нового «крючоктвора» и сам граф Александр Христофорович Бенкендорф, ревностно стоящий на посту российского спокойствия. В сказках Даля графу помешалась угроза устоям самодержавия и призыв к бунту. И, не долго думая, главный цензор империи решил арестовать «казака Луганского».

Его взяли под стражу прямо в госпитале. Потом были допросы в Петропавловской крепости, беседы лично с Бенкендорфом и ожидание суда. Дело могло закончиться ссылкой в какую-нибудь глушь типа Оренбургской губернии. Но в судьбу Даля неожиданно вмешался великий Василий Андреевич Жуковский – наставник наследника российского престола. История о «казачке Луганском» настолько взволновала царевича, что он при первой же возможности рассказал о ней Николаю Павловичу. Император был благосклонен и приказал Даля освободить. Правда, при этом самодержец не отказал себе в удовольствии лишний раз устроить в отношении сына нравоучения. Александр Николаевич дал обещание отцу впредь не связываться с мятежно настроенными литераторами.

Чтобы Даль, потрясенный случившимся, не затерялся, Жуковский ввел его в круг своих знаменитых друзей и единомышленников. Был среди них и нынешний военный губернатор Оренбургской губернии. Так они и познакомились. Однако, в этой истории был еще один эпизод, о котором Перовский никогда не рассказывал Далю. Однажды во время личной беседы с глазу на глаз с императором он услышал от Николая Павловича:

– Слушай, Василий Алексеевич, тебе сейчас в Оренбурге будут нужны толковые люди. Возьми к себе Даля. Он тебе помощником будет отменным. Да и из столицы мы его тем самым уберем.

Так и попал Владимир Иванович в Оренбург. Тоже, вроде, ссылка, но особая.

И Перовский ни на минуту не пожалел, что забрал к себе на работу этого незаурядного человека. Как профессионал высокого класса он многому научил местных врачей. И врачевавший все высшее общество Оренбурга и округи доктор Бидерман не мог нарадоваться появлению Даля в столице губернии.

Но наряду с медицинскими делами Даль выполнял еще и много работы по части устройства делопроизводства в губернии, формировании архивов многочисленных управ военного и гражданского ведомств. Выполнял он и отдельные поручения Перовского в степи. И местные бии по достоинству оценили ум и смекалку нового чиновника в окружении военного губернатора.

Особо сблизила их недавняя история по делу о так называемом польском заговоре в Оренбургской губернии. И, анализируя все произошедшее, Василий Алексеевич с удовлетворением констатировал, что, не будь рядом с ним Даля, все могло закончиться совсем по-иному. Рассудительность и хладнокровие «казачка Луганского» направили следствие по правильному курсу, и безвинные люди не пострадали.

...Все началось 25 октября. Ближе к обеду в кабинет военного губернатора буквально ворвался комендант Оренбурга Глазенап и выпалил в лицо опешившему Перовскому:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.